

УДК 811.161

**НЕОДНОСЛОВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДИКАТНОГО ПРИЗНАКА
В АСПЕКТЕ ОППОЗИЦИИ СВЁРТЫВАНИЯ-РАЗВЁРТЫВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ****В. С. Сидорец**кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка УО МГПУ им. И. П. Шамякина

Рассматриваются исторические корни, логика развития и распространения неоднословных наименований предикатного признака (вербоидов) в восточнославянских языках в аспекте оппозиции свёртываемость-развёртываемость информации.

Введение

Как известно, в сфере функциональной грамматики используются термины *понятийная (семантическая) категория, понятийное поле, функционально-семантическая категория, функционально-семантическое поле*. Считаю целесообразным за совокупностью разноструктурных языковых элементов, ядром которых является лексико-грамматическая категория (часть речи), закрепить название *функционально-семантическая категория*, а то, что её породило – понятийная категория. Данные категории имеют фундаментальный характер. За теми же структурами, через которые они реализуются, закрепить названия *функционально-семантическое поле и понятийное поле* [1, 157]. Поэтому в работе используется термин *функционально-семантическая категория*, ядром которой является лексико-грамматическая категория – глагол, а на определённом расстоянии от него находятся вербоиды, коммуникативные эквиваленты глагола.

В центре нашего исследования – неоднословные наименования предикатного признака с десемантизированным компонентом (вербоиды) типа *вести борьбу, вести монтаж, давать приют, заниматься аэрогелиотерапией, справлять новоселье* в их соотношении с глаголами. При этом внимание обращается на проблемы, связанные с перспективой вербоидов в восточнославянских языках и появляющимися в современной лингвистической науке, с одной стороны, вопросами их конверсии, универбации в глаголы, а с другой – постоянного увеличения, распространения вербоидов в современных восточнославянских языках. Второй подход преобладает над первым, что отражается в ряде фундаментальных монографий последнего времени Г. А. Золотовой [2], М. И. Всеволодовой [3], В. М. Никитевича [4], А. В. Никитевича [5] и др., через которые проходит идея коммуникативной взаимосвязанности, взаимозависимости и взаимовыравнивания глаголов и вербоидов в процессе реализации предикатного признака в соответствии с потребностями того или иного текста. В. Н. Телия, проводя параллели между словами-параметрами (в нашей терминологии – десемантизированными компонентами вербоидов, деривантами) и словообразовательными аффиксами, подчеркивает, что «главная причина существования в языке косвенно-производных значений слов, обозначающих непредметные сущности, заключается в том, что в этой сфере собственно словообразовательные средства номинации (порождающие в нашем случае глаголы. – В. С.) крайне **непродуктивны**» [6, 142–146]. М. В. Всеволодова, поддерживая отмеченную выше идею, весьма аргументированно дополняет её наличием в языке стимула к симметрии предикатной оппозиции свёртываемость–развёртываемость информации [3, 440]. В свете этой идеи с опорой прежде всего на классические отечественные труды по языкознанию нами излагаются некоторые проблемы своеобразной оппозиции *глаголы–вербоиды*.

Результаты исследования и их обсуждение

Современные русские, белорусские и украинские вербоиды, представляющие сочетания десемантизированного глагола (дериванта) с предикатным существительным типа *вести фотографирование, давать оценку, нести службу (весці фатаграфаванне, даваць ацэнку, несіць службу; вести фотографування, давати оцінку, нести службу)*, могут сворачиваться в глаголы *фотографировать, оценивать, служить (фатаграфаваць, ацэньваць, служыць; фотографувати, оцінювати, служити)*.

Вербоиды имеют глубокие исторические корни, достаточно широко отражаясь в различных по жанру древнерусских памятниках – церковных: *восприяти гордость* [Моление Даниила Заточника], *дати благословение* [Остр. евангелие], *имѣти сумнение, прияти повелѣние, створити (творити)*

молитву, творити пагубу [Выголекс. сборник, Житие Нифонта. – М., 1977]; светских: *дати порука, твердити миръ, оучинити насиліе* [Договорн. грамота Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою и Готским берегом, 1229 г.], *дати суд* [Псковская грамота], *имѣти миръ, сотворити мовь* [Лаврентьевская летопись, 1377 г.], *творити пѣснь, суды рядити, подати буйство* [Слово о полку Игореве] и др.

Широкое употребление вербоидов в памятниках церковной литературы объясняется в значительной степени переводами с греческих богослужбных книг. Однако то, что на славянской почве легко находились соответствия, свидетельствует об общности у греков и славян языковых процессов, берущих начало с эпохи индоевропейского праязыка. Кстати, вербоиды отражены в современной диалектно-разговорной речи: *вести обиход, взять поворот, водить ямщину, дать бороновку, дать запрет, делать заплачку, делать расторг; браць помсту, весці гутарку, даць веры, даць ахоту, мець бяду, мець цярліवासць, рабіць лямант, рабіць сварку; брати на перапас, давати віру, давати перевагу, давати рятунок, давати шану, доходити до тямі, ыняти віру (не йму віру), мати клопіт, чинити наругу* и т. д.

Вербоиды известны не только индоевропейским языкам. При этом в индоевропейских иранских языках и неиндоевропейских – тюркских – выражение темпоральных и модальных значений осуществляется с помощью глагольно-именных сочетаний (вербоидов), в которых глаголы выполняют строевую функцию, выступают на уровне аффиксов, а имена выражают соответствующие предикатные значения. Как подчёркивает Н. М. Александров, «в этих языках широко используются вместо обычных смысловых глаголов, которые применяются, как правило, в других языках, сочетания из нескольких определенных глаголов, обычно теряющих в этих случаях свою семантику, и соответствующего по семантике существительного (реже прилагательного или наречия). Если в силу этого глаголов в названных языках сравнительно немного – значительно меньше, чем во многих других языках, с которыми мы можем сравнивать в рассматриваемом отношении как иранские, так и тюркские языки, – то указанных сочетаний имеется в них громадное число – они исчисляются не сотнями, а тысячами» [7, 133].

Представляет интерес по этому вопросу мнение А. А. Потебни, изложенное в разделе «Предикативность существительного»: «Под этим значением разумею не то, что существительное само по себе способно быть сказуемым... а то, что в старинном языке (и в новом как архаизм) существительное с глаголом общего значения (быть, стать, жить, и др.) стоит там, где в новом языке одно глагольное сказуемое» [8, 274]. Приводятся конструкции типа *я не ездок, жалоба моя*, которые, как считает Потебня, древнее, чем *не езжу, жалуясь*, поэтому «предикативность и атрибутивность имени, иначе – именной характер предложения – увеличивается по направлению к древности» [8, 276].

Эту мысль подтверждают и современные лингвисты. Е. С. Кубрякова, ссылаясь на исследования Э. Бенвениста, отмечает: «Признание первичности имен ведет также к возможности рассматривать первые суждения и первые высказывания как именные предложения. Глубокие исследования Э. Бенвениста в этой области подтвердили факт широкого распространения именного предложения как включающего именной предикат при отсутствии глагола или связки и архаичности этого типа предложения» [9, 38]. В процессе развития и возникновения частей речи «существительному принадлежит центральное место и в известной мере все прочие названия могут быть выведены из предметных и событийных имен» [9, 39].

В полемике с Ф. И. Буслаевым Потебня отрицает его утверждение о том, что «действие, наглядно выраженное глаголом, со значением времени и отношения между говорящими, переходит в отвлеченное понятие, выраженное существительным, напр., *я жалуясь, я, ты жаловался – моя жалоба, твоя жалоба*» [8, 275]. Используя многочисленные материалы из славянских и неславянских новых и древних индоевропейских языков, Потебня доказывает большую архаичность именных конструкций и постепенный переход их в конструкции глагольные: *Тоть король Додонъ будет нашему городу здержатель и отъ всѣхъ странъ оберегатель; Я не трудница была, не работница? Я не бральница была красным ягодам? Не ломальница боровым-то рыжичкам?; Ой ты, Ганначка, зборница: сабрала збор у бацькаў двор* (Радч., Гомельские нар. песни); *Тас нау ту даритаис* (дословно: *он не есть это делатель – он этого не делает; латыш.*); *Инд्रो джета* дханам (дословно: *Индра захватыватель добычу – Индра с боем берет добычу; др.-инд.*)

Различные по характеру примеры подчеркивают идею, выдвинутую Потебней, что конструкции, в состав которых входят существительные, предшествуют конструкциям с глаголами.

Продолжая полемизировать с Буслаевым, предполагавшим «переход глаголов в имена в древнейший период (т. е. учение о первообразности глагола сравнительно с именем)»

и связывавшим это «с учением о переходе языка от наглядности к отвлеченности» [8, 276], А. А. Потенбня касается описательных форм (в нашей терминологии – вербоидов). Он подвергает критическому анализу выдвинутое Буслаевым положение о том, что глагол «сам по себе выражает действие нагляднее, нежели описательные формы, состоящие из имени и отвлеченного глагола» [8, 277]. Думается, Потенбня прав, утверждая сомнительность большей конкретности, наглядности глаголов и меньшей – описательных форм типа *лов деяти, жалобу творити, дати запись, поездку чинить, вести разговор, взложити мценье, створити мценье* и др., указывая, что некоторые из них «заведомо восходят в большую древность» [8, 278] и возникли намного раньше синонимичных с ними глаголов. Нельзя поэтому считать приемлемым высказывание Буслаева, что описания (вербоиды) – результат разложения глаголов. Языковой механизм не всегда может удовлетворить требования понятийной категории процессуальности, следовательно, функционально-семантическая категория процессуальности мобилизует другие, описательные средства.

Конечно, представлять увеличение количества неоднословных наименований действия как результат непрерывного разложения глаголов, как движение «от наглядности к отвлеченности» вряд ли соответствует действительности. В то же время современная эпоха отличается не отдельными случаями употребления коммуникативных эквивалентов глаголов – вербоидов, а постоянным, активным их распространением.

Экскурс в историю разработки вопроса дает возможность лучше разобраться в сущности современных русских, белорусских и украинских вербоидов, осознать логику развития и распространения этих единиц, понять, в чем их близость, в чем расхождение, чтобы использовать имеющийся опыт в качестве своеобразного стимула и ориентира при дальнейшем всестороннем изучении различных коммуникативных эквивалентов глаголов.

Исторический экскурс позволяет более определенно оценивать потенциальные возможности и перспективы вербоидов в восточнославянских языках, особенно в аспекте тезиса, выдвинутого Я. Розвадовским и поддержанного Р. И. Могилевским и С. И. Хаютиной, «о свертывании двухкомпонентных (двухсоставных) языковых единиц, при эволюции языка, в универбы» [10, 94].

В принципе свертывание, компрессия двух- или многокомпонентной номинативной единицы в однокомпонентную и использование такой единицы для порождения нового, более емкого по содержанию высказывания представляет непрерывный мыслительно-речетворческий процесс духовной человеческой деятельности. При этом, если брать не фрагмент коммуникативной единицы высказывания, а все высказывание, то типичным его компрессором является, по образному выражению Е. С. Кубряковой «всемогущее существительное», поскольку «оно способно выступать практически в любой синтаксической роли» [9, 85]. В процессе речевой деятельности «в короткой и мотивированной, то есть в понятной форме, апробированной обществом, производные и сложные существительные могут обобщать целые серии умозаключений и в таком виде превратить в тему сообщения сколь угодно развернутые сообщения» [9, 86].

Исследование этого свойства существительных, фигурирующего под названием *номинализация*, осуществлено многими учеными. Однако, наиболее основательное освещение эта проблема получила в работе Н. Д. Арутюновой «Предложение и смысл», где акцентируется «внимание на неоднородности той области, которую можно было бы назвать *пропозитивным значением*, т. е. значением, восходящим к семантике предложения» [11, 70]. Она подразделяет эту семантическую сферу в русском языке на три зоны: номинализацию-процесс, номинализацию-факт и номинализацию-пропозицию. Сопоставления, изложенные Н. Д. Арутюновой, получили отражение в ряде работ Е. С. Кубряковой, Г. А. Золотовой, Е. М. Селивановой [12] и др. и продолжают оставаться актуальными до настоящего времени.

Итак, существительные определенных семантических классов, определенной словообразовательной структуры могут свертывать единицы вышестоящего уровня – контекстуально-синтаксического, аккумулируя дополнительные содержательные элементы. Эти предикатно-признаковые по своему характеру существительные составляют также основу тех конструктивных элементов, которые являются лексико-семантическим центром неоднословных наименований действия с десемантизированным компонентом – вербоидов. В результате различных, обусловленных контекстом, трансформаций, происходит экспликация заложенных в вербоиде семантических элементов. Возможна по контекстуальной заданности и импликация содержательных элементов вербоида, когда он трансформируется, сворачивается в одну цельнооформленную единицу – глагол.

Такая компрессия никоим образом не свидетельствует об одностороннем действии тенденции к экономии языковых средств. Количество вербоидов постоянно увеличивается, особенно в речи, отражающей интеллектуально-психическую, научно-техническую деятельность человека:

вести к ідентифікації, займаються психотерапією, здійснюють дедукацію, піддаються трибополімеризації; *весці да ідэнтыфікацыі, займацца псіхатэрапіяй, здзяйсняць дэдукацыю, падвяргацца трыбаполімерызацыі*; *вести до ідентифікації, займатися психотерапією, здійснювати дедукацію, піддаватися (знавати) трибополімеризації*. Крім того, розширюють межі використання вербоиди, синонімічні с глаголами: *експериментировать* – *вести (выполнять, делать, осуществлять, проводить, ставить) эксперимент, подвергать эксперименту*; *экспериментаваць* – *весці (выконваць, рабіць, здзяйсняць, праводзіць, ставіць) эксперымент, падвяргаць эксперыменту*; *експериментувати* – *вести (виконувати, робити, здійснювати, проводити, ставити) эксперимент, піддавати эксперименту*.

Обусловленная различными коммуникативными факторами, в языках действует, как отмечалось, и вторая тенденция – к усложнению языковых средств. Взаимодействие этих тенденций в извещной мере определяет совершенствование, развитие языков. Причем взаимодействие выражается в том, что первая тенденция пытается «настигнуть», подчинить вторую. Нельзя, конечно, представлять это как процесс односторонний, непрерывно свертывающий вторую тенденцию. Так, несмотря на подверженность компрессии, вербоиды в большинстве своем стабилизировались как особые дискретные единицы и отражаются в толковых словарях. Они нередко используются для раскрытия семантики глаголов: «*Апробировать... 1. Дать (давать) апробацию* (в 1 знач.), официально одобрить (одобрять). 2. С.-х. *Провести (проводить) апробацию* (во 2 знач.)» [13, 43]; «*Апрабаваць... 2. Даць апрабацыю*, афіцыйна ўхваліць на аснове правэркі або шырокага абмеркавання. 3. Спец. *Правесці апрабацыю* (у 2 знач.)» [14, 253]; «*Апробувати... 1. Книж. Давати апробацію*, офіційно схвалювати, затверджувати що-небудь. 2. с.-г. *Робити апробацію* (в 2 знач.)» [15, 56].

Часто в словарных статьях приводится тот или иной десемантизированный глагольный компонент с указанием на возможность сочетаться с ним существительных предикатной семантики: «*Дать... 8. Со многими существительными, преимущественно означающими действие, образует сочетания со значением того или иного действия в зависимости от смысла существительного. Дать распоряжение* (распорядиться). *Дать согласие* (согласиться)...» [13, 366]; «*Даць... 8. З многіма назоўнікамі ўтварае спалучэнні са значэннем таго ці іншага дзеяння ў залежнасці ад сэнсу назоўніка. Даць згоду* (згадзіцца). *Даць парад* (параіць). *Даць указанне* (указаць). *Даць штраф* (аштрафаваць)...» [14 153]; «*Давати... 9. перех. у сполуч. з багатьма іменниками, переважно дієслівного походження, означає дію, зміст якої визначається значенням відповідного іменника. – Я парубку ганьби не даю, і піти (заміж) не піду! – одказала Катря чисто, як виспівала... Він мало їв і на питання давав не до речі відповіді...» [15, 203]. Существуют и другие способы представления вербоидов в словарных статьях.*

Появляются словари устойчивых сочетаний, в которых значительное место отводится вербоидам. К сожалению, до сих пор нет специальных словарей, хотя давно назрела настоятельная необходимость в максимально полной лексикографической инвентаризации вербоидов в каждом из современных восточнославянских языков. Такой словарь, одноязычный, может состоять из двух частей. Первая часть представляется списком предикатно-признаковых существительных, являющихся лексическими основами вербоидов. Здесь же, после каждого такого существительного, должен приводиться десемантизированный глагольный компонент (компоненты), с которым данное существительное способно образовать вербоид. Вторая часть может содержать собственно вербоиды с подробным описанием их семантики, стилистических свойств, морфологических, деривационных и синтаксических особенностей.

Изложенный материал подтверждает мысль, что глаголы и вербоиды не конкурируют в тексте. «Правила игры» исходят от определяемой коммуникацией структурно-семантической специфики того или иного текста. Не случайно большинство глаголов и вербоидов вступают в синонимические отношения типа *фотографировать* – *вести фотографирование* и эти отношения имеют постоянную тенденцию к распространению в сфере функционально-семантической категории предикатного признака. Главной же причиной взаимосвязанности, в некотором смысле взаимопредсказуемости, взаимодополняемости и коммуникативной взаимозависимости глаголов и вербоидов в повествовании является, как отмечалось во **введении**, оппозиция *свёртываемость-развёртываемость информации* [3, 440], которая имеет тенденцию к симметрии в выражении определённого содержания (пропозиции) между глаголами и вербоидами. Этой идеи касается М. В. Всеволодова почти на всём протяжении своей фундаментальной монографии, но основательная аргументация в ней приходится на то, что связано с описательными предикатами и конвертируемостью предложения [3, 444–455].

В качестве дополнения к сказанному, как мы считаем, появление в тексте описательных предикатов (вербоидов) или предикатов однословных (глаголов) зависит от объекта описания:

если объект описания характеризуется многомерным объёмом (в виду имеются прежде всего объекты из научной сферы, а также из сферы эмоционально-психической), то преимущественным средством реализации предикатной семантики являются вербоиды, если же объект описания из повседневной, «обычной» сферы жизнедеятельности человека, предпочтение отдаётся однословному предикату – глаголу. Этим в значительной степени устанавливается своеобразное коммуникативное равновесие в языке различных по объёму предикатов, т. е. стремление к симметрии свёртываемости-развёртываемости информации, симметрии, связанной с объёмом предикатов в том или ином типе текстов. Такой симметрии вполне способствует деривационная система восточнославянских языков, характеризующаяся как мощными синтетическими, так и мощными аналитическими средствами образования номинаций для реализации в текстах различных по характеру предикатных признаков.

Выводы

Таким образом, однословные восточнославянские наименования предикатного признака с десемантизированным компонентом – вербоиды – имеют глубокие исторические корни, получили мощное развитие в современных восточнославянских языках, стимулированное рядом причин, из которых была и является определяющей коммуникативно направленной предикатная оппозиция к симметрии свёртываемости-развёртываемости информации. Ей подчинены конверсия, универбация и другие факторы взаимодействия между глаголами и вербоидами, коммуникативными эквивалентами глаголов. Последние нуждаются в специальной лексикографической систематизации, а также в основательном сопоставительном исследовании семантики, структуры, деривационных и контекстных свойств этих дискретных единиц в русском, белорусском и украинском языках.

Літэратура

1. Сидорец, В. С. К проблеме содержания ключевых понятий функциональной грамматики / В. С. Сидорец // Весн. МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2009. – № 2(23). – С. 157–161.
2. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Оніпенко, М. Ю. Сидорова. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 528 с.
3. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М. : МГУ, 2000. – 504 с.
4. Никитевич, В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск : Выш. шк., 1985. – 157 с.
5. Никитевич, А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов / А. В. Никитевич. – Гродно : изд. центр ГрГУ, 2004. – 348 с.
6. Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – 269 с.
7. Александров, Н. М. О предикативном отношении / Н. М. Александров // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков : сб. ст. / редкол. : В. Г. Адмони (отв. ред.) [и др.]. – Л. : Наука, 1975. – С. 133–139.
8. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике : в 4 т. / А. А. Потебня. – М. : Просвещение, 1968. – Т. 3. – 1968. – 551 с.
9. Кубрякова, Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с.
10. Могилевский, Р. И. О репрезентации двух типов номинаций в русском языке / Р. И. Могилевский, С. И. Хаютина // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : в 2 ч. : тез. докл. республ. конф. / редкол. : В. М. Никитевич (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 1982. – Ч. 1. – С. 94–95.
11. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 384 с.
12. Селиванова, Е. А. Когнитивная ономаσιология / Е. А. Селиванова. – Киев : Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.
13. Словарь русского языка : в 4 т. / редкол. : А. П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.]. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 1. – 1981. – 696 с.
14. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал. : К. К. Аграхоўіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Гал. рэд. БСЭ, 1977–1984. – Т. 1. – 1977. – 608 с.
15. Словник української мови : в 11 т. / редкол. : І. К. Белодед (предс.) [і др.]. – Київ : Наукова думка, 1970–1980. – Т. 1. – 1970. – 800 с.

Summary

They historical uproots, logic of development and spreading of multiword names of predicative mark (verboids) in East-Slavonic languages in aspect of opposition of reduction-expansion of information are investigated.

Поступила в редакцію 25.02.13